

Федина Татьяна Александровна

НАЧАЛО ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАРОНА ПРОСПЕРА ДЕ БАРАНТА В РОССИИ

Статья рассказывает о начале дипломатической миссии барона Проспера де Баранта, посла Франции в России с 1835 по 1841 гг. Проспер де Барант прибыл в Россию во время напряженных отношений, которые существовали между Россией и Францией в 1830-1840-х годах вследствие неприятия императором Николаем I французского короля Луи Филиппа и режима Июльской монархии. Основное внимание автор статьи концентрирует на том, как был принят французский посол лично императором и российским двором, какие проблемы существовали в тот момент в двусторонних отношениях, а также на том, какие задачи ставило перед Барантом французское правительство в создавшихся условиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 193-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(4)

Исторические науки и археология

Статья рассказывает о начале дипломатической миссии барона Проспера де Баранта, посла Франции в России с 1835 по 1841 гг. Проспер де Барант прибыл в Россию во время напряженных отношений, которые существовали между Россией и Францией в 1830-1840-х годах вследствие непринятия императором Николаем I французского короля Луи Филиппа и режима Июльской монархии. Основное внимание автор статьи концентрирует на том, как был принят французский посол лично императором и российским двором, какие проблемы существовали в тот момент в двусторонних отношениях, а также на том, какие задачи ставило перед Барантом французское правительство в создавшихся условиях.

Ключевые слова и фразы: русско-французские отношения; Проспер де Барант; Николай I; Луи Филипп; Июльская монархия.

Федина Татьяна Александровна

Московский педагогический государственный университет
tanchosmail@rambler.ru

НАЧАЛО ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАРОНА ПРОСПЕРА ДЕ БАРАНТА В РОССИИ[©]

Позиция, которую занял российский император Николай I по отношению к французскому королю Луи Филиппу и режиму Июльской монархии, отвергала в 1830-1840-е годы всякую идею о близких контактах между двумя странами. В условиях такой напряженности отношений посол Франции в России должен был обладать осторожностью и сдержанностью в своих действиях. 11 сентября 1835 года послом Франции в Россию был назначен барон Проспер де Барант, историк и литератор, член Французской академии, администратор наполеоновской эпохи, политик, известный своими умеренно-либеральными взглядами.

Личные качества Проспера де Баранта, человека, не склонного «к резким шагам и громким декларациям, но способного принимать самостоятельные решения в русле правительственной политики» [2, с. 87], обладавшего проницательностью и умением достойно держаться, а также опыт, который он получил, будучи послом в Турине (1830-1835 гг.), сделали очевидным для тогдашнего главы французского правительства герцога Виктора де Броя, что никто лучше Баранта не подходил на пост посла Франции в Санкт-Петербурге. Стоит отметить, что Виктор де Брой не ошибся в своем выборе, поскольку на своем посту Барант, «не теряя независимости, пользовался, однако, неизменным расположением императора» [1, с. 114].

Французский государственный деятель и историк Франсуа Гизо позже писал: «28 октября 1830 года Барант был назначен послом в Турин – пост, который три столетия был во французской политической жизни постом больше важным, нежели значительным; который он сохранял до тех пор, пока в сентябре 1835 года не покинул его ради другого – больше значительного, нежели важного – пост посла в Санкт-Петербурге. Это были два двора, наиболее противостоящих правительству Луи Филиппа...» [6, р. 109]. Гизо считал, что Барант обладал даром предвидения, справедливым и деликатным умом, был полон такта, обладал спокойным, бдительным, возвышенным и сдержанным характером. Барону де Баранту в Петербурге так же, как и в Турине, не нужно было формировать политические связи или вести важные переговоры, а просто, несмотря на все трудности, поддерживать постоянные мирные отношения.

Вскоре после своего назначения Барант получил письмо от герцогини Доротеи де Дино, в котором она отзывалась об этом событии следующим образом: «В газете подтверждают то, что мне уже сказали в Париже: вы едете в Петербург. Удаленность, климат – это достаточно тяжелые испытания, но там можно сделать многое; но если даже и не сделать, то, по меньшей мере, избежать плохого. Театр огромен: это Европа и Азия одновременно» [5, р. 196]. Уже в январе 1836 года герцогиня высказывала надежду на благожелательный прием Баранта в Санкт-Петербурге: «Мы имеем все основания полагать, что вы получите в Петербурге такой хороший прием, какой мы можем желать...» [Ibidem, p. 238].

Сам Проспер де Барант в письме к своей сестре мадам Аниссон дю Перрон писал о своем назначении как об интересном событии, воспоминание о котором можно будет передать своим детям. К тому же этот пост, по предположению Баранта, мог связать его имя с каким-либо исторически значимым событием [Ibidem, p. 197].

В своей инструкции от 16 октября 1835 герцог де Брой, давая некоторые наставления Баранту, писал, что русское правительство являлось именно тем, с которым у Франции «наиболее существенно ухудшились отношения после Июльской революции» [Ibidem]. Он напоминал некоторые факты из истории отношений между двумя странами, которые предшествовали этой революции. Перед событиями 1830 года Франция и Россия были связаны достаточно тесным союзом, в котором были общие противники и практически отсутствовали противоречия. Этот союз должен был только укрепляться. Император Николай I казался тогда французам не таким недоверчивым, как его предшественник, император Александр I, и, главное, менее

подверженным абсолютистским теориям. К тому же, Николай, по мнению герцога де Брой, должен был оценить помощь Франции, которую она оказала в разрешении восточного вопроса в конце 20-х годов XIX века, что послужило бы укреплению дружбы между двумя государствами.

Июльская революция 1830 года полностью изменила эту ситуацию. Она создала множество проблем, особенно по польскому и бельгийскому вопросам, в которых интересы двух государств находились в абсолютном противоречии. В тот момент Франция несколько сблизилась с Англией, и это отразилось на отношениях с Россией. Наконец, эта революция, как писал герцог де Брой, была «властной реакцией против духа договоров 1815 года и Священного союза» [Ibidem, p. 199], т.е. против доктрин, которые Россия приносила как некоторый вид европейской диктатуры. По мнению главы правительства Франции, из всех мотивов именно последний вызвал наибольшее раздражение у императора Николая и его подданных в адрес нового французского правительства.

Николай даже помышлял о том, чтобы объявить войну ненавистному режиму Луи Филиппа. Но эти враждебные намерения расстроились сами собой и, кроме того, не встретили поддержки у более осторожных Австрии и Пруссии.

Положение посла Франции в России, как утверждал глава французского правительства де Брой, было незавидным в этот период, потому что высшие классы в России имели те же взгляды и настроения, что и государь, поэтому посланник Луи Филиппа постоянно находился в достаточно трудных условиях. Предшественники Проспера де Баранта, по словам де Броя, тоже подвергались определенным испытаниям в России. Однако герцог де Брой не выражал особого беспокойства по поводу обстановки, в которой Барант будет находиться в Санкт-Петербурге, хотя и считал, что могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, с которыми послу помогут справиться его просвещенный ум и чувство достоинства по отношению к Франции.

Начиная с 1830 года, в течение 5-ти лет Россия и Франция имели мало непосредственных точек соприкосновения. Осторожность предписывала двум странам избегать, насколько это возможно, любого контакта, чтобы не увеличивать разногласия. В то время, столь плодотворное на препятствия, существовала опасность столкновения двух кабинетов, политика которых охватывала такие широкие интересы. Опасность столкновения казалась особенно неизбежной по восточному вопросу. Герцог де Брой даже рекомендовал Баранту какое-то время вовсе не затрагивать в своих разговорах тему восточного вопроса, хотя тут же признавал, что, ведя беседы с влиятельными персонами России и членами дипломатического корпуса, невозможно не касаться вопроса, который столь непосредственно затрагивает интересы кабинета Санкт-Петербурга. В своей инструкции герцог де Брой коснулся проблемы, связанной с польским вопросом, которую, впрочем, он тоже рекомендовал не упоминать в своих первых беседах, т.к. разговоры о польском восстании 1830 года и его подавлении русскими войсками еще больше осложнили бы и без того непростые отношения между двумя странами.

Подводя итог своим наставлениям, герцог де Брой писал барону де Баранту о перспективе русско-французских отношений и полностью предоставлял послу свободу действий, говоря о том, что он легко сможет выстроить свои правила поведения согласно обстоятельствам, в которых будет находиться. В сложившейся ситуации Франции уже нельзя было вернуть близкий союз с Россией, поэтому не следовало даже делать бесполезные попытки по сближению двух стран. Этому сближению противостояли определенные факторы, но и направления политики двух кабинетов больше не имели ничего общего друг с другом. Однако, как признает Брой, однажды должен будет появиться вопрос, в котором интересы Франции и России сойдутся, и последуют совместные действия. И единственное, что следовало делать Просперу де Баранту в тот момент, – это сохранять то положение дел и взаимоотношений, которое уже сложилось. «Единственная вещь, которую мы могли бы желать в данный момент, это – оставаться в том же положении по отношению к России, и такова цель, к которой правительство короля советует вам стремиться» [Ibidem, p. 209], – писал Баранту Брой.

По пути в Россию, будучи в Веймаре, Барант беседовал с великой княгиней Марией, сестрой императора России, которая заверила Баранта в том, что он будет хорошо принят в Петербурге, и просила его не везти с собой в Россию предубеждения, которые царили во Франции относительно России. Барант заверил ее, что сам не имел никакого предвзятого мнения, а во Франции были полностью расположены поддерживать с Россией дружеские отношения. «Между обществом Парижа и Петербурга существовал некоторый вид единства и симпатии, который не мог потеряться» [Ibidem, p. 210], – писал Барант.

Затем, уже в Берлине, Проспер де Барант посетил короля Пруссии Фридриха Вильгельма III, который, с одной стороны, выразил уверенность в успехе миссии Баранта, а, с другой, заверил его, что не следовало сомневаться в мирных намерениях императора Николая.

В январе 1836 года граф Луи де Сент-Олер, посол Франции в Австрии, писал Баранту из Вены, что их миссия состояла в том, чтобы «устранять с дороги камни», которые являются препятствиями в отношениях между странами; при этом если, по словам де Сент-Олера, он убрал несколько маленьких камушков за 5 лет своей деятельности в качестве посла, то Баранту предстояло «устранить большущую скалу», о которую отношения России и Франции могут окончательно разбиться, если ее вовремя не убрать [Ibidem, p. 237].

Для встречи посла на границу был отправлен фельдъегерь, который обычно сопровождал в путешествиях императрицу и которому император Николай приказал обеспечивать издержки Баранта во время поездки. «Это кажется удивительным и трудным для моего понимания» [Ibidem, p. 214], – писал Барант Брою.

Первая официальная депеша из России от Проспера де Баранта датирована 12 января 1836 года. В ней он сообщает, что его сопровождали во дворец, где он при установленном церемониале должен был представиться императору Николаю. Николай принял посла один, произнес в легкой и элегантной манере очень любезную приветственную речь, которая не оставила места для официальности. Их беседа была долгой и непринужденной. Ход и тон беседы полностью задавал русский император. Началось все с личных комплиментов. Затем император завел речь о должностях, которые Барант занимал до своего назначения на пост посла Франции в России, причем сам посол был больше в роли слушателя. Николай сказал несколько слов о характере дипломатии, который за несколько лет очень изменился. «Сейчас все говорят открыто, все имеют одно общее намерение, все хотят мира, в котором заключается счастье всей Европы... России тоже необходим мир. За 20 лет она участвовала в 4-х войнах, которые стоили миллионы, и, что наиболее печально, – потери 3-х или 4-х сотен тысяч жизней; сейчас время заниматься благополучием людей; вы видите, что я с Вами искренен и не имею иных мыслей: моя политика полностью откровенна и лояльна» [Ibidem, p. 240], – говорил император Просперу де Баранту. Взяв Баранта за руку, император сказал, что любая война начинается только по необходимости, но таковой в тот момент не было.

Говорил, в основном, император, посол же сумел вставить лишь несколько слов, пытаясь перевести разговор в плоскость, относящуюся к Франции. Барант боялся, что аудиенция пройдет без упоминания имени короля Луи Филиппа, поскольку Николай не особо хотел касаться его личности. Император взял у Баранта верительные грамоты и положил на стол, чем окончательно избавил его от церемониального представления. «Вручая свои письма, я предполагал адресовать императору несколько слов, если и не особо торжественных, то, по крайней мере, хотя бы официальных» [Ibidem, p. 239], – писал Барант. Посол заявил, что теперь он не мог адресовать официальную речь от имени короля и заверить императора в преданности чувств Луи Филиппа и его желании мира. Император без язвительности, но и без какой-либо любезности сказал несколько слов о французском короле, о его роли в сохранении мира в Европе, о трудностях, с которыми он сталкивался при управлении страной. Барант поддерживал царя в каждом слове и пытался подольше продлить эту тему разговора. Была затронута и тема покушения на Луи Филиппа, которое произошло 28 июля 1835 года. Император отозвался о произошедшем в выражениях резких, но лишенных особого сочувствия.

В ходе беседы, когда речь зашла о французской армии, коснулись темы колонизации французами Алжира. Император по достоинству оценил уровень организации этой экспедиции, не упомянув при этом о роли в этой кампании герцога Орлеанского, старшего сына Луи Филиппа, хотя Барант на это рассчитывал. Николай также отметил, что предшественник Баранта на посту посла Франции, маршал Мезон, имя которого император произнес с особой благосклонностью, достоин был назначения на должность военного министра Франции.

Снова затронув тему изменений, произошедших в характере дипломатии, российский император заметил, что именно из-за них и освободил от должности русского посла во Франции графа Карла Поццо ди Борго. «Это человек старой дипломатии, у меня же нет необходимости ни в каких хитростях и ухищрениях; мы не могли понять друг друга...» [Ibidem, p. 243], – сказал император. Барант принялся защищать графа и вспомнил, что он хорошо знал Францию. «Францию – да, Россию – несколько» [Ibidem], – ответил Николай. Затем Николай заговорил о новом после России во Франции, графе Петре Петровиче Палене, который проводил такую дипломатию, которая нужна была русскому императору. Николай остался доволен словами Проспера де Баранта о том, что графу Палену оказали во Франции хороший прием. Потом речь зашла о личности английского посла в России лорде Дареме. Также в беседе были затронуты вопросы, связанные с США и Грецией. Коснулись и темы французских законов.

Общий тон беседы был, по словам посла, легким, любезным, доброжелательным, с очевидным желанием императора показать крайнюю откровенность и желание мира, которое было адресовано не только в сторону Франции, но и всей Европы. Николай не искал сближения с Францией, однако старался рассеять заблуждения и предубеждения насчет своей персоны и устранить беспокойства по поводу своих замыслов. Императора беспокоили подобные настроения в отношении России и ложные мнения на ее счет, поэтому политика императора была «любезна и услужлива для дипломатического корпуса» [Ibidem, p. 247].

После встречи с императором Проспер де Барант был представлен императрице Александре Федоровне, которая ему оказала любезный прием. Затем его представили великому князю-наследнику Александру и великой княгине Марии.

Министр иностранных дел России, граф Карл Васильевич Нессельроде, проявлял беспокойство по поводу аудиенции барона де Баранта у императора. Посол, рассказав ему, как проходила беседа, указал на то, что дипломатические отношения двух стран могут оставаться мирными до тех пор, пока не произойдет экстраординарное или вопиющее событие. Поскольку отношения не были полностью доверительными и не внушали чувства абсолютной безопасности, были основания для враждебности и неприязни. Граф Нессельроде выразил надежду на то, что время приведет все к нужной точке. «В глубине души император знает, что пришел момент жить с Францией в тех же отношениях, что и вся Европа» [Ibidem, p. 249], – писал Барант герцогу де Брою.

Следует отметить, что в Европе существовало беспокойство по поводу намерений России, поэтому Нессельроде поинтересовался у Баранта о том, что думали во Франции относительно России. Барант ответил, что король и кабинет Франции в курсе происходящего в России и уверены, что она не имеет никаких агрессивных замыслов. «Мы не беспокоимся, но наблюдаем. В этом и будет заключаться моя миссия» [Ibidem, p. 250], – отвечал Барант.

Вечером Барант посетил бал в Дворянском собрании, где ему был оказан теплый прием. Посол ужинал за столом императрицы, где сидел вместе с послом Австрии Карлом Людвигом фон Фикельмоном. На балу Барант был представлен великому князю Михаилу, брату императора Николая. Их беседа была длинной, князь интересовался всем, что происходило во Франции.

В своих депешах Проспер де Барант старался отобразить как можно объективнее события, происходящие в России, и точно передать всё, что ему говорилось, почти не добавляя от себя каких-либо размышлений и суждений и не делая никаких выводов. Он стремился показать герцогу де Брою, что положение, в котором он находится, не кажется ему плохим, и что его отношения с графом Нессельроде будут легкими, достаточно доверительными, но без особого результата. «Двор и общество оказывают мне любезность, которая не демонстрирует особой доброжелательности, и которая не доказывает ничего, кроме того, что император просто не желал противоречий» [Ibidem, p. 251], – писал Барант. Тем не менее, несмотря на столь напряженные отношения, французскому правительству также нужно было демонстрировать благосклонность к России, хотя бы видимую.

В течение 6-ти лет, с 1835 по 1841 гг., Барант практически постоянно проживал в Санкт-Петербурге, «придерживаясь всегда одной и той же позиции и пользуясь тем же уважением, которое ему было оказано с самого начала» [6, p. 133]. В августе 1841 г. Проспер де Барант получил отпуск и уехал во Францию. Однако в результате обострения русско-французских отношений обратно в Петербург он так и не вернулся, хотя и формально сохранял свой пост до 1848 года.

Можно отметить, что, несмотря на существовавшее напряжение между Россией и Францией, Барант был принят в Петербурге достаточно хорошо. Российский историк и дипломат Сергей Спиридонович Татищев в своем труде «Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки» писал, что «французские послы, Мезон и преемник его Барант, были прекрасно приняты при нашем дворе, в особенности последний» [4, с. 181-182]. Император Николай I хоть и испытывал неприязнь к режиму Июльской монархии, тем не менее не желал сильного обострения отношений, а русское общество, по наблюдениям Баранта, и вовсе относилось к Франции благосклонно и не разделяло негативного настроения императора.

Можно сказать, что если Просперу де Баранту на посту посла и не удалось наладить дружеские отношения с Россией, что в сложившихся обстоятельствах и не представлялось возможным, то хотя бы он стремился смягчить гнев и негативное отношение императора Николая к Луи Филиппу и его режиму. Поэтому в столь «непростых условиях, помноженных на импульсивный нрав российского государя, личные качества и способности посла имели немаловажное значение: он мог либо ещё более усугубить ситуацию, либо способствовать её нормализации или, по крайней мере, сохранению определенного статус-кво» [3, с. 55]. Пребывание Проспера де Баранта в Санкт-Петербурге полностью оправдало ожидания французского правительства. Может быть, годы пребывания Баранта на посту посла и не были очень плодотворными на события и были осложнены непростыми отношениями двух стран, но он добросовестно и достойно исполнил свою миссию.

Список литературы

1. Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004. 525 с.
2. Таньшина Н. П. Посольство барона де Баранта в России в 1835-1841 гг. По воспоминаниям французского дипломата // Россия и Франция. XVIII-XX века. М., 2011. Вып. 10. С. 83-120.
3. Таньшина Н. П. Россия барона де Баранта // Родина. 2009. № 11. С. 55-57.
4. Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы: исторические очерки. СПб., 1889. 459 с.
5. Barante P. de. Souvenirs du baron de Barante. Paris, 1895. Vol. 5. 574 p.
6. Guizot F. M. de Barante. A Memoir, Biographical and Autobiographical. Londres, 1867. 182 p.

BEGINNING OF BARON PROSPER DE BARANTE'S DIPLOMATIC ACTIVITY IN RUSSIA

Fedina Tat'yana Aleksandrovna
Moscow State Pedagogical University
tanchosmail@rambler.ru

The article tells about the beginning of the diplomatic mission of Baron Prosper de Barante, the ambassador of France in Russia from 1835 till 1841. Prosper de Barante arrived in Russia at the time of strained relations that existed between Russia and France in the 1830-1840s as Emperor Nicholas I did not approve of French King Louis Philippe and July Monarchy regime. The author pays special attention to how the French ambassador was received by the Emperor and the Russian court, what problems existed at that moment in bilateral relations, and what tasks the French government set before Barante in these circumstances.

Key words and phrases: Russian-French relations; Prosper de Barante; Nicholas I; Louis Philippe; July Monarchy.